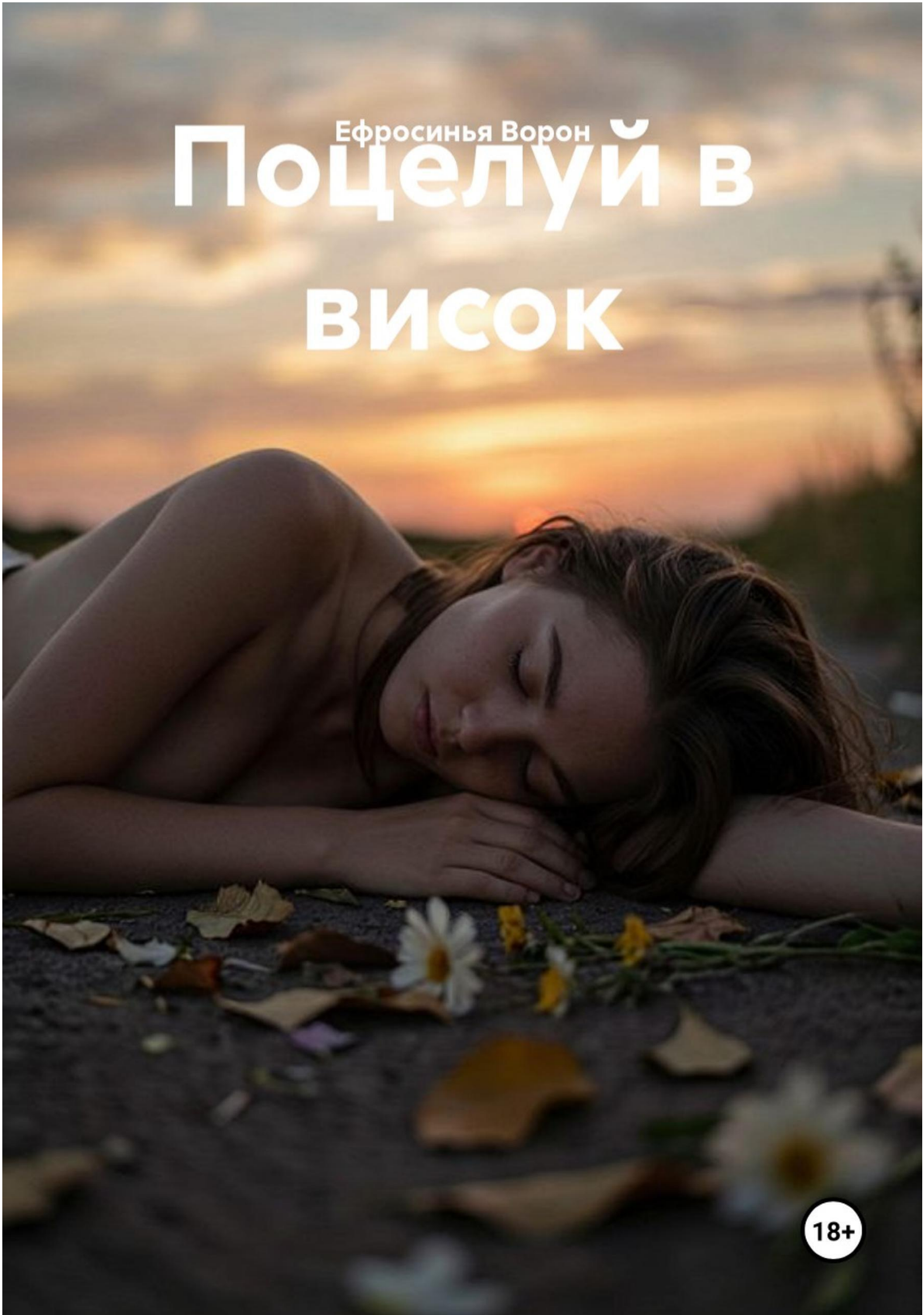

Ефросинья Ворон
Поцелуй в висок
18+

Ефросинья Ворон

Поцелуй в висок

«Автор»
2026

Ворон Е.

Поцелуй в висок / Е. Ворон — «Автор», 2026

Эта книга — хроника агонии. История о том, как два человека, когда-то безумно любившие друг друга, оказались по разные стороны глухой стены. О том, как мужчина, считающий, что «всё нормально», не замечает, как женщина рядом с ним медленно задыхается. И о том, как однажды она решает выбрать себя.Она лежит на его кровати, в то время как в соседней комнате его пьяные друзья допивают пиво, а сам он спит, отвернувшись к стене. Внутри неё больше нет слёз — только холодная, давящая пустота. Камень на груди. И понимание, что она больше не боится его потерять. Потому что она уже потеряла всё.«Поцелуй в висок» — это пронзительная и тяжелая история о разрушении брака. О том, как рушатся мечты и рассыпается в прах всё, что строилось годами. О насилии, которое прячется за привычной заботой. О женской боли, которая так и не была услышана. И о том, что иногда, чтобы обрести себя, нужно сначала перестать быть чьей-то игрушкой.

© Ворон Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 7
Глава 3 10
Глава 4 13
Глава 5 18
Глава 6 23
Глава 7 27

Ефросинья Ворон
Поцелуй в висок

Глава 1

Глава 1. Точка кипения

Настоящее время. 18:47.

Телефон в её руке завибрировал, и экран, вспыхнув холодным светом в полумраке комнаты, высветил имя: «Любимый». Она смотрела на эти буквы, на этот дурацкий смайлик, который когда-то казался ей смешным, а теперь вызывал лишь глухое, ватное отвращение. Внутри не было ни злости, ни обиды, ни привычного раздражения — только бесконечная, выматывающая усталость, которая поселилась где-то в груди год назад и с тех пор выпивала её по капле каждый день.

Он писал: «Просто ты так сказала, как будто я прошу что-то нереальное».

Она усмехнулась, горько и одними губами. Нереальное. Он просил тысячу рублей на бензин. А она просила у него целый мир. Внимание. Страсть. Взгляд, в котором она будет желанной женщиной, а не привычной мебелью в квартире. Она умоляла его быть мужем, а не просто соседом, который чинит машину, ходит в баню с друзьями и целует её в висок, как домашнего кота, чтобы тот не мяукал от голода.

Она открыла чат, и пальцы сами, почти без её участия, набрали короткий, сухой ответ, в котором не было ни капли эмоций: «Я вообще не планирую с тобой коммуникацию. Не забивай голову бредом».

Она отправила сообщение и заблокировала экран. В комнате повисла звенящая тишина, прерываемая лишь мерным капаньем воды из крана на кухне. Она откинулась на спинку дивана, закрыла глаза, и перед её внутренним взглядом пронеслись эти семь лет: ссоры, драки, ночные примирения, его руки, его губы, обещания, которые он так и не сдержал. Она видела, как всё это медленно, кусочек за кусочком, умирало, пока не осталось лишь это холодное, пустое пространство между ними.

Она вспомнила сегодняшний вечер. Как он зашёл домой, как ни в чём не бывало, словно между ними не было пропасти размером в целую жизнь. Он снял куртку, бросил ключи на полку и заглянул в комнату:

— Я с пацанами в баню поеду. С нами не хочешь?

Она даже не повернула головы, чувствуя, как от его беззаботного тона внутри всё сжимается в тугой комок.

— Нет.

— Ну ладно. — Он пожал плечами, не заметив ни её тона, ни того, как она сжалась. — Стики купить?

— Да. Купи.

Он подошёл к ней, наклонился и легко, привычно поцеловал в висок. Как будто она была частью интерьера. Как будто она была вещью, которую нужно протереть от пыли. Этот поцелуй не говорил: «Я тебя хочу». Он говорил: «Ты моя привычка». И в этот момент внутри неё что-то оборвалось окончательно.

Она вспомнила, как семь лет назад он целовал её в губы так, что у неё подгибались колени и кружилась голова. Как он смотрел на неё на дискотеке, словно она была единственной во

вселенной. Как он дрался за неё с каким-то парнем, посмевшим сказать ей грубость. Тогда он был готов разнести весь мир ради неё. А сейчас он просто чмокнул её в висок и ушёл.

Когда дверь за ним закрылась, она взяла телефон. «Деньги я скину. И разговаривать со мной не надо. Я больше не хочу общения с тобой. И я серьёзно».

А потом она перевела ему 1117 рублей 86 копеек. Не округлила. Посчитала всё до копейки. Это был не жест щедрости, а жест бухгалтера, закрывающего счёт. Она больше не хотела быть ему ничего должна. Ни копейки. Ни стиков. Ни бензина. Ни своей жизни.

Он не понял. Он написал: «Просто ты так сказала, как будто я прошу что-то нереальное».

Он всё ещё пытался спорить, доказывать, оправдываться. Он не понимал, что она уже не в этой реальности. Она ушла.

Она смотрела на его сообщение, на то, как он пытается вернуть разговор в привычное русло, и чувствовала, как внутри разрастается ледяная пустота. Она встала с дивана и подошла к окну. За стеклом шёл дождь, размывая огни фонарей. Она осталась одна. И впервые за долгое время ей было не страшно. Ей было всё равно.

Но почему-то глупые, горячие слёзы текли из глаз, не прекращаясь. Они не спрашивали разрешения, не подчинялись её воле. Они просто шли, размывая очертания улицы, оставляя солёные дорожки на щеках. В груди разрасталась такая острая, невыносимая боль, что казалось, будто сердце в этот момент действительно разбивается. Не метафорически. А по-настоящему — с треском, на тысячи мелких осколков, которые впивались в лёгкие, не давая дышать.

Она медленно сползла по стене, чувствуя, как ноги становятся ватными и чужими. Холодный линолеум обжёг её босые ноги, но она не почувствовала этого. Она вообще ничего не чувствовала, кроме этой разрывающей грудь пустоты.

Она была дома одна. В квартире не было никого. Только она. И кот, который тихо сидел в углу, наблюдая за ней своими жёлтыми глазами. И звенящая, абсолютная тишина.

Эта тишина была хуже любого шума. Она давила на барабанные перепонки, заполняла собой всё пространство, забивалась в лёгкие. В этой тишине не было ни его шагов, ни его голоса. Ничего. Только гулкое эхо её собственной боли.

Здесь, на полу кухни, в этой квартире, свернувшись в комок, она молча, беззвучно рыдала.

Из горла не вырывалось ни звука. Только спазмы сжимали горло, только плечи мелко-мелко тряслись от того невыносимого груза, который она несла в себе семь лет. Она обхватила колени руками, прижала их к груди, пытаясь согреться, пытаясь удержать себя от того, чтобы окончательно не рассыпаться. Кот тихо подошёл и потёрся о её ногу, но она даже не заметила этого.

И в этой звенящей тишине, сквозь беззвучный плач, сорвался едва слышный, хриплый шёпот. Она подняла заплаканные глаза к потолку и, захлёбываясь собственной болью, спросила в пустоту:

— Боженька, ну почему?..

Почему всё так? Почему та девочка с белыми волосами, которая так хотела быть любимой, оказалась здесь? Почему он не слышит её? Почему любовь, которая когда-то казалась спасением, превратилась в эту самую тюрьму?

Ответа не было. Только тишина. Только кот, свернувшийся клубком рядом. И только она — одна. В чужой квартире. В чужой жизни. На холодном полу.

Глава 2

Глава 2. Мотоцикл

Семь лет назад. Лето. Деревня.

Вилена вышла из дома с твёрдым намерением ни с кем не разговаривать.

Особенно — с мальчиками.

Она только что рассталась с одноклассником, и это был не просто парень, а настоящий придурок, который умудрился растоптать всё, что вообще можно растоптать в пятнадцать лет. По крайней мере, тогда ей казалось именно так. Будто он не просто бросил её — а взял и сломал внутри что-то важное, оставив после себя обломки, которые теперь надо было как-то собрать.

Вилена злилась на него. На себя — ещё сильнее. На весь мир, который почему-то продолжал жить как ни в чём не бывало: солнце светило, птицы орали в кустах, соседская собака лаяла на велосипедиста. Как будто ничего не случилось. Как будто ей не было так больно, что хотелось исчезнуть хотя бы на пару часов.

Она хотела только одного: погулять с Варей, вдохнуть полной грудью горячий, пыльный воздух и хотя бы ненадолго перестать думать о том, как легко человек, которому ты доверился, может сделать тебе больно.

Деревенское лето пахло нагретым асфальтом, скошенной травой и сладким тополиным пухом, который лез в нос и заставлял чихать. Солнце палило нещадно. Воздух дрожал над дорогой, и казалось, что даже время здесь течёт медленнее, чем в городе: тянется лениво, вязко, никуда не торопясь.

Они с Варей устроились у старого клуба, выкрашенного когда-то в зелёный, а теперь облупившегося и выцветшего. У Вари были ролики, у Вилены — нет, поэтому катались они по очереди. Варя умчалась к дальнему краю площадки, а Вилена осталась на тёплой ступеньке, уткнувшись в телефон.

Она листала ленту, почти не вчитываясь. Чужие фотографии, чужие шутки, чужие счастливые лица мелькали перед глазами, не задерживаясь в голове. Ей хотелось выключить всё — телефон, мысли, себя. Но вместо этого она продолжала листать, будто могла найти там что-то, что отвлечёт.

На крыльце сидела местная компания. Сашка, её одноклассник, и рядом с ним — незнакомый парень.

Он устроился на перилах так, словно клуб, улица и вся деревня принадлежали ему по праву. Худой, светловолосый, в кепке, с кожаным браслетом на запястье. У него были большие невероятно голубые глаза и длинный нос с горбинкой. А ещё — наглая ухмылка человека, который уверен, что ему всё сойдёт с рук.

Вилена скользнула по нему взглядом и тут же отвернулась.

Ей было не до незнакомых парней. Ей вообще никто был не нужен.

Она вставила наушники, включила музыку и побежала к Варе, которая уже махала ей с другого конца площадки. Каталась, пока ноги не начали гудеть, пока ветер не растрепал волосы и не выдул из головы хотя бы часть мыслей о бывшем. Постепенно злость отступила. Не исчезла совсем — просто перестала занимать собой всё пространство.

Ей стало легче.

Впервые за несколько дней — по-настоящему легче.

Когда она вернулась к крыльцу попить воды, то как раз успела вытащить один наушник, когда услышала рёв мотора.

Звук вырвался из-за угла внезапно и громко. Старый, потрёпанный мотоцикл «Иж» вылетел на площадку, подняв за собой густое облако горячей пыли.

За рулём сидел тот самый парень с перил.

Он затормозил прямо перед крыльцом — резко, лихо, слишком близко. Вилена отшатнулась. Сердце подпрыгнуло и на секунду будто забыло, как биться. Пыль оседала на её белых, выжженных солнцем волосах, на щеках, на новом iPhone, который она всё ещё держала в руке.

Испуг сразу сменился злостью. Злость была знакомой, удобной. За неё можно было спрятать всё остальное.

Вилена подняла на парня глаза.

— Ты что, больной? — резко спросила она. Голос всё-таки дрогнул — от неожиданности и от того, что она ещё не успела отдышаться. — Смотри, куда летишь!

Он заглушил мотор. Шлема на нём не было — только кепка, сдвинутая на затылок, и светлые волосы, растрёпанные ветром.

Он посмотрел на неё без малейшего смущения. Ни «извини», ни «не заметил». Только наглая, спокойная уверенность, которая почему-то бесила сильнее, чем сам его поступок.

И, что было совсем уж некстати, притягивала.

— А ты что, тут дорогу сторожишь? — усмехнулся он. — Или тебе просто пыль на свою цацку жалко?

Он кивнул на телефон у неё в руке.

Вилена прижала его к груди.

— Это не цацка. Это телефон. И он стоит больше, чем твой мотоцикл.

— Говнофон, — без колебаний ответил парень.

Вилена прищурилась. Большинство местных пацанов в такой ситуации либо начинали оправдываться, либо грубили в ответ, чтобы не потерять лицо. Этот просто смотрел на неё и улыбался, словно она была забавной зверушкой, которую он случайно встретил на дороге.

Это раздражало. И почему-то заставляло отвечать ему дальше.

— Как тебя зовут? — спросил он.

В голосе вдруг появилась странная серьёзность — такая внезапная, что Вилена на мгновение растерялась.

— А тебе зачем?

— Хочу знать, кого чуть не задавил.

Он снова ухмыльнулся.

— Меня Кирилл. А тебя, я так понимаю, Принцесска?

Он произнёс это слово медленно, нарочито растягивая гласные, и в его голосе оно прозвучало не ласково, а издевательски. Будто он заранее решил, что именно так её и надо называть.

Вилена вспыхнула.

Внутри вскипело негодование — горячее, почти приятное. Ей захотелось поставить его на место, заставить стереть эту ухмылку с лица. Но где-то глубоко, в самом дальнем уголке души, что-то дрогнуло от его наглого взгляда.

Она тут же разозлилась на себя за это.

— Тебя не касается, — бросила она и развернулась, чтобы уйти.

Она старалась идти спокойно, не слишком быстро, не показывая, как сильно он её задел. Внутри всё кипело: злость на него, злость на себя, на глупое сердце, которое почему-то забилось быстрее, когда он назвал её Принцесской.

— Эй, Принцесска, подожди.

На этот раз он не усмехался. В голосе исчезли насмешливые нотки, и Вилена обернулась.

— Дай телефон.

Она нахмурилась.

— Зачем?

— Хочу посмотреть.

Он протянул руку. Не попросил и не приказал — просто повёл себя так, будто уже знал, что она согласится.

Вилена задержала на нём взгляд. Ей следовало отказать. Сказать, что он и так достаточно натворил, и уйти к Варе. Но вместо этого она протянула телефон — не потому, что он её заставил, а потому, что ей самой стало любопытно, что он собирается сделать.

Кирилл взял iPhone, покрутил его в руке, посмотрел на экран, а потом достал свой телефон и быстро набрал её номер.

Вилена услышала звонок у себя в ладони.

— Что ты делаешь? — спросила она, хотя уже поняла.

— Сохраняю свой номер в твоём телефоне.

Он вернул ей телефон.

— Будешь знать, кто тебя чуть не задавил. На случай, если захочешь отомстить, Принцесска.

Вилена посмотрела на экран. Новый номер уже появился в списке вызовов. Она хотела сказать что-нибудь колкое — и даже придумала несколько вариантов, — но все они почему-то застряли где-то между головой и языком.

Кирилл завёл мотоцикл. Рёв снова заполнил площадку, такой громкий, что Вилена почувствовала его в груди.

— Пока, Принцесска, — сказал он, подмигнул и уехал.

За ним потянулось облако пыли.

Вилена осталась стоять с телефоном в руке. Сердце всё ещё билось слишком быстро, и это раздражало. Она вытерла пыль с экрана, посмотрела ему вслед и попыталась убедить себя, что злится только потому, что он едва её не задавил.

Но внутри уже шевельнулось то самое неприятно-приятное чувство, которое она не смела ни назвать, ни прогнать.

Вечером она сидела дома и смотрела на экран телефона. В контактах появился новый номер, подписанный одной буквой: «К».

Она несколько раз открывала карточку контакта. Несколько раз собиралась удалить номер. Но каждый раз передумывала.

Через час пришло сообщение:

«Привет, Принцесска. Как дела?»

Вилена улыбнулась — сама не заметив, как. Потом быстро стёрла улыбку, будто кто-то мог её увидеть.

Она ответила что-то дерзкое. Уже не помнила что именно. Она всегда отвечала дерзко — так было проще. Дерзость была её бронёй: не давала никому заметить, что ей больно, что она боится, что она сама не уверена в себе.

Она не знала, что парень на старом «Иже» станет её первым мужчиной. Её мужем. Её болью.

Не знала, что через семь лет будет переводить ему 1117 рублей 86 копеек и писать: «Я не планирую с тобой коммуникацию».

Не знала, что он будет целовать её в висок — так, будто целует мебель.

Не знала, что однажды устанет.

Тогда, в пятнадцать, она просто ответила ему.

И это было начало.

Глава 3

Глава 3. Поцелуй в висок

Настоящее время.

Квартира утонула в вязкой, давящей тишине.

Вилена сидела на холодном кухонном линолеуме, прислонившись спиной к стене. Напротив, на обоях, тянулась светлая полоска — след от чего-то давно снятого. Она смотрела на неё, не моргая, пока та не начинала расплываться и двоиться перед глазами.

Слёзы уже высохли. На щеках остались солёные дорожки, кожа стянулась, веки опухли. Но плакать больше не хотелось. Сердце тоже больше не болело. Оно просто замолчало — будто устало биться и решило переждать.

И это молчание пугало сильнее боли.

У её ног, свернувшись клубком, спал кот. Он тихо дышал, иногда подёргивал лапой во сне. Это было единственное движение во всей комнате, единственный звук в квартире. Вилена смотрела на него и думала, что, наверное, завидует: коту было тепло, он был дома и спал, не пытаясь понять, как всё опять дошло до этого.

В замочной скважине повернулся ключ.

Резкий металлический щелчок прорезал тишину. Вилена не пошевелилась. Не подняла головы, не вытерла лицо, не попыталась встать. У неё не было сил даже притвориться, что всё в порядке.

Дверь открылась — и тишина кончилась.

В квартиру ворвались голоса, смех, гулкий топот ног. Кирилл пришёл не один. Его друзья переговаривались на ходу, ещё не успев понять, что здесь что-то не так. Кухня была проходной: чтобы попасть в зал, нужно было пройти мимо неё.

Первым Вилену заметил один из парней. Он осёкся. Улыбка исчезла с его лица. Второй остановился рядом, и они неловко переглянулись, не зная, куда смотреть и что говорить.

На полу сидела Вилена — в темноте, с опухшим лицом и красными глазами. Она выглядела так, словно не просто плакала, а долго пыталась удержать себя от чего-то, что уже невозможно было остановить.

Кирилл вошёл следом.

От него пахло свежестью, мылом и чем-то знакомым, домашним, — запахом, который раньше успокаивал Вилену, а теперь только напоминал, как много между ними стало чужого. Он взглянул на неё. На её лицо, на сжатые плечи, на руки, бессильно лежавшие на коленях.

И не удивился.

Не спросил, что случилось. Не подошёл. Не нахмурился даже.

Он просто сделал вид, что ничего не заметил.

Никита первым нарушил неловкое молчание. Подошёл к Вилене и присел перед ней на корточки.

— Пойдём, — сказал он негромко. Без жалости в голосе, без лишней осторожности. Просто предложил помощь. — Пол холодный. Вставай.

Он протянул руку.

Вилена посмотрела сначала на его ладонь, потом ему в лицо. Никита не улыбался и не пытался убедить её, что всё хорошо. Не спрашивал, почему она плакала. Не требовал объяснений. Он просто ждал.

После короткой паузы Вилена вложила пальцы в его руку.

Никита помог ей подняться. Она пошатнулась — ноги затекли, голова на мгновение поплыла, — и он придержал её за локоть, чтобы она не упала.

И тогда она почувствовала на себе взгляд Кирилла.

Тяжёлый. Жёсткий. Обжигающий.

Он смотрел не на её лицо — на руку Никиты у неё на локте. На то, как его друг помогает его жене встать с пола. В глазах Кирилла не было благодарности. Только глухая, ревнивая злость, будто сама эта помощь была чем-то недопустимым.

— Никит, — произнёс он ровно.

Голос звучал спокойно, но за спокойствием пряталось предупреждение.

Никита убрал руку с локтя Вилены и посмотрел на Кирилла.

— Она чуть не упала, — сказал он. — Я помог встать.

— Я видел, — отрезал Кирилл. — Дальше я сам.

Он подошёл, взял Вилену за руку и потянул за собой. Хватка была крепче, чем нужно. Она поморщилась, но не сказала ни слова. Просто сил сопротивляться не осталось.

Кирилл повёл её в спальню, словно хотел убрать её с глаз друзей, пока те не успели задать вопросов. Вилена шла следом, глядя на пол. За спиной снова послышались голоса — на этот раз тише, осторожнее. Квартира понемногу возвращалась к обычному шуму, будто ничего не произошло.

В спальне Кирилл включил верхний свет. Белое сияние ударило по глазам. Вилена прищурилась и отвернулась.

Он усадил её на край кровати, а сам присел перед ней на корточки. Несколько секунд внимательно смотрел ей в лицо — не встревоженно, не ласково, а с раздражённым любопытством, словно пытался разобраться, почему она не ведёт себя как обычно.

— Вилена, — позвал он тихо. — Ты чего сидела на полу? Холодно же.

Он обнял её за плечи и поцеловал в висок.

Легко. Привычно. Почти нежно.

Именно поэтому Вилене стало так невыносимо.

Этот поцелуй ничего не значил. Был жестом, который Кирилл знал наизусть и повторял автоматически, как закрывал за собой дверь или ставил чашку на стол. Он поцеловал её так, словно она была частью комнаты — привычной вещью, которую нужно слегка коснуться, чтобы убедиться: она на месте.

— Ты чего грустная, а? — спросил он. — Всё же хорошо. Я уже дома.

Вилена молчала.

Она смотрела прямо перед собой, туда, где свет лампы ложился на стену. В её глазах не осталось слёз — только пустота, холодная и звонкая. Кирилл будто не замечал её. Или замечал, но не хотел понимать, что она означает.

Он не спросил, почему она плакала.

Не спросил, что случилось.

Не спросил, давно ли она сидит на полу одна в темноте.

Он выпрямился и посмотрел на неё сверху вниз.

— Так, — сказал он. В голосе появились командные нотки. — Вытри слёзы. Пойдём в зал. Мы там в «Монополию» собираемся играть. Твоя любимая игра, помнишь? Друзья ждут. Неудобно заставлять их ждать.

Вилена медленно подняла на него глаза.

Перед ней стоял человек с большими голубыми глазами — тот самый парень, который когда-то казался ей целым миром. И всё же сейчас она смотрела на него так, словно видела впервые. Не потому, что он изменился за один вечер. Просто в какой-то момент она перестала закрывать глаза на то, что давно было перед ней.

Он не понимал.

Или не хотел понимать.

Для него её слёзы были лишь досадной помехой. Неловкой паузой перед игрой. Чем-то, что можно стереть с её лица, как пятно с поверхности стола, чтобы вечер наконец пошёл по плану.

— Вытри слёзы, — повторил Кирилл. — И идём. Они там ждут.

Вилена ничего не ответила. Только смотрела на него.

Кирилл подождал секунду, словно рассчитывал, что она встанет сама. Потом отвернулся и вышел из спальни. Из зала уже доносились голоса его друзей и лёгкий стук игральных костей по столу.

Вилена осталась сидеть на краю кровати.

На кухне кот всё ещё спал. За стеной кто-то засмеялся. А на виске у неё оставался след от поцелуя — тёплый, привычный и совершенно пустой.

Глава 4

Глава 4. Мурашки

Семь лет назад. Лето.

Они переписывались каждый день.

Сначала Вилена убеждала себя, что это ничего не значит. Просто Кирилл оказался у неё в контактах, просто написал первым, просто было скучно — вот и всё. Она отвечала ему из вежливости. Потом — потому что он смешно шутил. Потом уже не могла толком объяснить, почему ждёт, когда на экране вспыхнет его имя.

Утром он присылал какую-нибудь глупость: фотографию завтрака, мем, который Вилена уже видела раз десять, или короткое: «Принцесска, ты спишь?» Иногда он отправлял снимок своего мотоцикла — то разобранного, то собранного, то просто припаркованного у дома, будто это был не старый «Иж», а редкая спортивная машина.

Однажды он прислал фотографию тарелки с яичницей.

Кирилл: Завтрак чемпиона.

Вилена: Чемпиона чего?

Кирилл: Пока не решил.

Вилена: Звучит убедительно.

Кирилл: Я вообще производю впечатление человека, который всё продумал.

Вилена: Производю)).

Она отправила сообщение и улыбнулась, прочитав его ещё раз. Потом оглянулась — вдруг кто-нибудь заметил. Дома никого не было, но привычка прятать улыбку возникла сама собой.

В обед Кирилл мог прислать голосовое — длинное, сбивчивое, будто начинал рассказывать одну историю, по дороге вспоминал другую и в итоге забывал, с чего всё началось. Он говорил, как чинил мотоцикл, как Сашка опять ляпнул что-то глупое или как поругался с братом из-за какой-нибудь мелочи.

Вилена слушала сообщения по дороге в магазин, сидя на лавочке у клуба или лёжа вечером в кровати. Иногда переслушивала, если вокруг было шумно. По крайней мере, так она себе говорила.

— Ты чего улыбаешься? — спрашивала бабушка, заглянув в комнату.

— Ничего, — отвечала Вилена и быстро выключала экран.

Вечером Кирилл снова писал: «Не спишь?» И они могли болтать до двух ночи. Обсуждали музыку, знакомых, фильмы, которые ни один из них толком не смотрел. Спорили, какая песня лучше, и дразнили друг друга. Иногда разговор затихал. Вилена уже откладывала телефон и закрывала глаза, но экран снова загорался.

Она тут же тянулась за ним.

Кирилл: Ты уснула?

Вилена: Нет.

Кирилл: А почему не отвечаешь?

Вилена: Потому что думаю, как бы тебя заблокировать.

Кирилл: Не получится. Я слишком обаятельный.

Вилена: Это ты сам придумал?

Кирилл: Нет. Ты же написала.

Вилена фыркала в подушку, чтобы никто не услышал, и отвечала что-нибудь колкое. Ей нравилось, что с ним можно не подбирать слова. Нравилось, что он не обижался на её резкость,

а отвечал тем же. И особенно нравилось, что он возвращался к разговору даже после долгой паузы — будто не собирался никуда исчезать.

Когда глаза начинали слипаться, телефон выскальзывал из рук и падал на подушку. Вилена обещала себе ответить утром, закрывала глаза — и всё равно через минуту тянулась проверить, не написал ли он ещё что-нибудь.

Она ждала его сообщений так сильно, что сама себе удивлялась. Никогда прежде не была из тех, кто ждёт. И злилась на себя за это. И всё равно ждала.

Они гуляли одной компанией: Сашка, Варя, ещё пара ребят с улицы. Сидели на лавочке у клуба, щёлкали семечки, слушали музыку с чьего-то телефона и смеялись над шутками, которые на следующий день никто уже не мог вспомнить.

Кирилл всегда оказывался рядом с Виленой.

Не садился вплотную, не пытался всё время говорить только с ней. Просто всякий раз находилось место рядом, и он занимал его так естественно, словно иначе и быть не могло. Мог спорить с Сашкой о мотоциклах, смеяться над шутками Вари, смотреть на дорогу — но Вилена всё равно чувствовала его рядом.

Она замечала, когда он поворачивался к ней. Замечала, как он откидывал со лба светлые волосы, как щурился на солнце, как улыбался — сначала одним уголком рта, а потом уже по-настоящему. Замечала даже, когда он молчал.

Особенно — когда молчал.

Вилена делала вид, что ничего не замечает.

Но замечала каждую мелочь.

Кирилл всё время касался её — будто случайно, мимоходом, не придавая этому значения.

Передавал телефон с музыкой и задерживал пальцы на её руке на секунду дольше, чем требовалось. Когда Вилена начинала смеяться, легко хлопал её по плечу:

— Ты чего, Принцесска, совсем зашлась?

— Это ты смешной, — отвечала она.

— Знаю.

— Самоуверенный какой.

— А ты только сейчас заметила?

Он говорил это с такой довольной ухмылкой, что Вилена закатывала глаза. Но потом ещё долго вспоминала этот разговор.

Когда Кирилл садился рядом, их локти иногда соприкасались. Совсем чуть-чуть. Вилена могла подвинуться, но не двигалась. Через тонкую ткань футболки она чувствовала его тепло и изо всех сил старалась не думать о том, что оно ей нравится.

Однажды ребята спорили, кто лучше играет в карты. Сашка доказывал, что у него просто неудачная колода. Варя смеялась над ним, а Кирилл тянулся за семечками, которые лежали рядом с Виленой на лавке.

Его рука накрыла её ладонь.

Вилена была уверена, что это не случайность.

Может, их руки соприкоснулись всего на секунду. Может, на две. Но она успела почувствовать тепло его пальцев — и отдёрнула руку, будто обожглась. Тут же уставилась в телефон, хотя экран давно погас.

Щёки залило жаром.

— Ой, извини, — сказал Кирилл.

В его голосе не было ни капли сожаления.

— Ничего, — бросила Вилена, не поднимая глаз.

Она старалась говорить спокойно. Как будто всё это было пустяком. Как будто ей не хотелось проверить, смотрит ли он на неё.

Внутри всё замерло, а потом медленно отпустило. От того места, где её коснулась его ладонь, по руке побежали мурашки — тёплые, ленивые, будто расползались под кожей. Вилена сжала пальцы в кулак, надеясь, что чувство пройдёт.

Не прошло.

— Вы чего притихли? — спросила Варя, переводя взгляд с Кирилла на Вилену.

— Ничего, — слишком быстро ответила Вилена.

Кирилл усмехнулся, будто понял больше, чем она хотела показать, и снова потянулся за семечками.

Вилена отвернулась. До конца вечера она почти не смотрела на него. Но каждый раз, когда он шевелился рядом, краем глаза замечала это.

Она продолжала делать вид, что ничего не происходит. Это была её броня — привычная, проверенная. Если не замечать, значит, ей всё равно. Если ей всё равно, значит, она не растает от одного прикосновения и не начнёт ждать сообщений.

Но каждый раз, когда Кирилл оказывался рядом, она чувствовала его тепло. Каждый раз, когда он смеялся, ловила себя на улыбке. Каждый раз, когда он называл её Принцесской, внутри что-то переворачивалось.

Варя заметила. Конечно, Варя заметила.

Однажды они вдвоём шли за мороженым. Было жарко, асфальт плавился под ногами, а у Вилены в руке таяло эскимо. Она молчала и улыбалась своим мыслям, а стоило Варе посмотреть на неё — сразу хмурилась.

— Ты на него запала, — сказала Варя.

Вилена чуть не споткнулась.

— Ничего я не запала.

— Конечно.

— Он просто наглый.

— Это я уже слышала.

— И самоуверенный.

— Тоже.

— И вообще… раздражает.

— Ага, — сказала Варя.

В её голосе было столько понимания, что Вилене захотелось её стукнуть.

— Не смотри так, — буркнула она.

— Как?

— Как будто ты всё про меня знаешь.

— Я не всё знаю. Только то, что ты улыбаешься, когда он пишет, и пытаешься спрятать телефон, когда я рядом.

— Ничего я не прячу.

— Тогда покажи.

Вилена прижала телефон к груди.

— Нет.

Варя рассмеялась.

— Вот видишь.

Вилена закатила глаза, но спорить не стала. Она не запала. Просто привыкла к его сообщениям. К его вниманию. К тому, что он садится рядом и ищет повод её поддеть. К тому, что кто-то хочет проводить с ней время.

Это ведь не то же самое, что влюбиться.

Это просто привычка.

Да. Привычка.

А потом Кирилл позвонил.

Это было в четверг, ближе к вечеру. Вилена сидела дома, лениво листала что-то в телефоне и время от времени посматривала в окно. Она сама не знала, кого ждёт: Варю, чтобы пойти гулять, или сообщение от Кирилла.

Когда на экране высветилась буква «К», сердце сделало тот самый кульбит, который она так старательно пыталась не замечать.

Вилена несколько секунд смотрела на телефон, не решаясь ответить. Потом провела пальцем по экрану.

— Алло? — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал равнодушно.

— Принцесска.

Голос Кирилла был чуть напряжённым, будто он заранее отрепетировал фразу и теперь боялся сбиться.

— Пойдём завтра погуляем? Только ты и я.

Вилена замерла.

Внутри всё остановилось. Даже мурашки — будто и они прислушались.

Она прижала телефон к уху крепче и уставилась в окно. На улице кто-то хлопнул калиткой, залаяла собака, проехал велосипед. Обычные звуки вдруг стали далёкими, словно весь мир отступил на шаг.

— Зачем? — спросила она.

Это было единственное, что удалось выдавить. Она хотела спросить: «Это свидание?» — но не решилась. Хотела спросить: «Ты правда хочешь побыть со мной один?» — но боялась услышать ответ.

Кирилл помолчал.

— Ну… просто. Хочу тебе кое-что показать. И вообще, надоело с этими придурками. Хочу с тобой.

Хочу с тобой.

Три простых слова. Они провалились куда-то глубоко, под рёбра, и там остались.

Вилена почувствовала, как к щекам приливает тепло. Она улыбнулась, но тут же попыталась спрятать улыбку, хотя Кирилл не мог её видеть.

— Ладно, — сказала она, стараясь звучать непринуждённо. — Во сколько?

— В шесть. У клуба.

— Хорошо.

— Пока, Принцесска.

— Пока.

Звонок закончился.

Вилена ещё несколько секунд держала телефон у уха, будто разговор мог продолжиться, если она не опустит руку. Потом посмотрела на экран. На окно. На свои пальцы.

Они слегка дрожали.

Она сжала руки в кулаки и глубоко вдохнула, надеясь унять волнение. Не помогло. Тогда она встала и прошлась по комнате, потом вернулась к окну, потом снова посмотрела на телефон.

Завтра. В шесть. У клуба.

Только она и Кирилл.

Она попыталась заняться чем-нибудь другим, но мысли всё равно возвращались к разговору. Что надеть? Стоит ли спросить, куда они пойдут? А если он просто хочет показать мотоцикл? Может, он позвал её потому, что больше никого не было рядом. Может, для него это вообще ничего не значит.

Она тут же рассердилась на себя за эти сомнения.

Кирилл сказал: «Хочу с тобой».

Этого пока было достаточно.

Она не знала, что это будет их первое свидание. Не знала, что через семь лет будет сидеть на полу в тёмной квартире, смотреть на его сообщение «Скинь 1к на бензин» и вспоминать этот четверг — как единственный день, когда она была уверена, что её кто-то выбрал.

Тогда она просто сидела и улыбалась.

И ждала завтра.

Глава 5

Глава 5. Можно?

Настоящее время. 21:12.

Она лежала на кровати, не раздеваясь, уставившись в потолок. Свет она не включала — только полоска из коридора, тонкая, как лезвие, падала на пол, разрезая комнату на две половины: тёмную, где была она, и светлую, где была жизнь. В зале играли. Слышались голоса, смех, стук костей по столу, чьи-то шутки, которые она не разбирала. Иногда кто-то повышал голос, спорил, потом снова смеялся. Жизнь. Чужая, громкая, не имеющая к ней никакого отношения.

Она не двигалась. Внутри было тихо. Той самой тишиной, которая страшнее любого крика. Тишиной, в которой слышно, как капает кран на кухне, как шуршит кот, свернувшийся у её ног, как бьётся собственное сердце — медленно, глухо, как будто через вату. Она смотрела в потолок, и потолок смотрел на неё. Между ними не было ничего. Ни слов. Ни мыслей. Ни слёз. Слёзы давно высохли, оставив после себя только солёные дорожки на щеках и чувство какой-то липкой, удушливой пустоты. Сердце больше не болело. Оно просто молчало. И в этом молчании было что-то гораздо страшнее любой боли.

В дверь спальни тихо постучали. Два раза. Осторожно. Так стучат, когда не уверены, что хотят услышать ответ.

Она не ответила. Может, показалось. Может, это был стук в другой квартире. Может, это было в её голове.

Стук повторился. Потом дверь медленно приоткрылась, и в проёме показался Никита. Он стоял на пороге, не заходя, держась за дверную ручку, как будто ждал разрешения. В коридоре было светлее, и его лицо было наполовину в тени, наполовину в свете — обычное, спокойное, без той дурацкой наигранной весёлости, которая была у него в зале. Он не улыбался. Не делал вид, что всё хорошо. Он просто стоял и смотрел на неё.

— Можно? — спросил он тихо.

Вилена приподнялась на локте. Не ответила. Просто смотрела на него. В горле было сухо, как в пустыне. Она не знала, сколько времени прошло с тех пор, как она последний раз говорила. Час? Два? Казалось, что целая жизнь.

— Вилена, тебе нужна помощь? — спросил он, и в его голосе не было ни жалости, ни снисхождения. Просто вопрос. — Ты сегодня не улыбаешься. Ты что, плакала?

Она отвернулась. К стене. К светлой полоске на обоях, которую уже видела сегодня. К пятну от старой картины, которую они сняли год назад и так и не повесили обратно. К своей собственной тени, которая лежала на стене, как ещё один человек в этой комнате.

— Не хочешь поговорить? — не отступал он. — Я не буду лезть. Просто... если хочешь.

Она молчала. В зале снова засмеялись. Кто-то крикнул: «Никит, ты где? Твой ход!» — и этот крик был таким громким, таким чужим, таким нелепым в этой тишине, что она вздрогнула.

Никита не обернулся.

— Знаешь, — сказал он, и в его голосе появилась странная, почти тёплая нотка, — без тебя Монополия не та. Серьёзно. Мы там все переругались, Кирилл уже два раза проиграл, злится. А ты сидишь тут. Скучно же.

Она повернула голову. Посмотрела на него. Он не улыбался. Просто стоял и смотрел на неё — открыто, без всякой игры. И в его глазах было что-то такое, от чего у неё внутри защемило. Не жалость. Что-то другое. Как будто он видел её. Не «жену Кирилла». Не «девушку, которая сидит на полу». А её. Ту самую Вилену, которая когда-то каталась на роликах у клуба и отвечала дерзко, потому что не умела иначе.

— Скучно? — переспросила она, и голос её прозвучал хрипло, как будто она давно не говорила. Как будто слова царапали горло.

— Ну, — он пожал плечами, — не то чтобы скучно. Просто... без тебя там как-то пусто. Я серьёзно. Ты обычно всех переигрываешь.

Она фыркнула. Не засмеялась. Просто фыркнула. Но уголок её губ дёрнулся. Впервые за весь вечер. Может, за весь день. Может, за всю неделю.

Никита заметил. И, как будто получив разрешение, сделал шаг в комнату. Потом ещё один. Остановился в паре метров от кровати. Ближе, чем был. Но не слишком близко. Как будто чувствовал границу.

— Я тебе сейчас одну вещь скажу, — сказал он, и в его глазах появился тот самый блеск, который она видела у него в зале, когда он шутил. — Только не смейся. Я сегодня в Монополии купил три дома на Арбате. Три. И Кирилл мне говорит: «Ты чего, дурак? Там же никто не ходит». А я ему говорю: «Подожди». И вот, представь, через два хода он попадает на Арбат. С тремя домами. И выкладывает мне всё, что у него было. Всё. До копейки.

Она тихо засмеялась. Негромко. Но это был смех. Настоящий. Тот самый смех, который она прятала за дерзостью, за наушниками, за телефоном. Тот самый, который она не показывала никому уже давно.

— И что он? — спросила она.

— А что он? — Никита развёл руками. — Сидит теперь злой, как чёрт. Говорит, что я жулик. Ну, это не моя вина, что он не умеет считать.

Она снова засмеялась. Чуть громче. И на секунду — всего на секунду — ей показалось, что стены стали чуть ближе, потолок — чуть ниже, и в комнате стало чуть теплее. Как будто кто-то открыл окно. Как будто кто-то впустил воздух.

И в этот момент дверь за спиной Никиты распахнулась.

Кирилл стоял в проёме. В коридоре было светло, и его лицо было видно целиком — и на этом лице не было ни капли того безразличия, которое она видела сегодня вечером. Была злость. Глухая, тяжёлая, почти животная. Такая, от которой у неё внутри всё сжалось в тугой комок.

Он подошёл к Никите, взял его под руку — крепко, чуть выше локтя — и потянул к выходу. Не резко. Но так, что стало понятно: это не приглашение. Это приказ.

— Пойдём, — сказал он ровно.

Никита не сопротивлялся. Но и не шёл. Он посмотрел на Кирилла, потом на Вилену. И в его взгляде было что-то такое, от чего у неё внутри всё сжалось. Как будто он знал больше, чем говорил. Как будто он уже видел этот фильм. И знал, чем он закончится.

Кирилл вывел его в коридор и прикрыл дверь. Но не до конца. Щель осталась. Тонкая, как лезвие. И Вилена слышала всё.

— Ты ничего не попутал? — голос Кирилла был холодным, как сталь. — Это моя жена.

Никита молчал. Потом сказал — тихо, спокойно, без вызова:

— Она плакала, Кирилл.

— Я не спрашивал, — отрезал Кирилл.

— Я не тебе говорю, — ответил Никита. — Я просто говорю.

Пауза. Долгая. Вилена лежала, не дыша, и слушала эту тишину. Тишину, в которой было больше слов, чем в любом крике.

— Иди в зал, — сказал наконец Кирилл. — И не лезь.

Шаги. Дверь в зал открылась. Снова смех. Стук костей. Всё как прежде. Как будто ничего не было. Как будто Никита не стоял на пороге. Как будто она не смеялась. Как будто ничего.

А потом шаги вернулись. В спальню.

Дверь открылась шире. Кирилл вошёл и закрыл её за собой. Не резко. Медленно. Как будто закрывал клетку. Как будто проверял, что замок защёлкнулся.

Он подошёл к кровати. Вилена смотрела на него снизу вверх — и не узнавала. Или узнавала слишком хорошо. Тот самый парень с мотоцикла. Тот самый, который когда-то готов был разнести весь мир ради неё. Только теперь он разносил её. Медленно. Кусочек за кусочком. Как будто она была зданием, которое он решил снести, но не мог найти взрывчатку.

Он сел на край кровати. Наклонился. Взял её за подбородок — не грубо, но крепко, так, что она не могла отвернуться. И посмотрел в глаза. Долго. Пристально. Как будто искал там что-то. Или проверял, на месте ли она ещё. Или просто хотел убедиться, что она всё ещё его.

— Ты чего, Принцесска? — спросил он тихо, и в его голосе вдруг появилась та самая интонация — из прошлого, из лета, из пыли. — Я же здесь. Я же с тобой.

Она молчала. Смотрела в его голубые глаза — и видела там только себя. Маленькую. Отражённую. Как в зеркале, которое кто-то поставил слишком близко к лицу.

Он отпустил её подбородок. Встал. Вышел в зал — и она услышала, как изменился его голос. Ровный, спокойный, почти дружелюбный. Голос человека, который умеет быть приятным, когда ему это нужно.

— Так, всё, ребят. Поздно уже. Давайте собираться.

Голоса. Шорох. Стулья. Кто-то смеётся, кто-то прощается. Дверь открывается. Закрывается. Ещё раз. Ещё. Вилена лежала и слушала эти звуки, как слушают дождь за окном. Они были где-то там. Далеко. В другой жизни.

Потом — тишина. Полная. Та самая, вязкая, давящая. Та самая, которая страшнее любого крика. Та самая, в которой слышно, как капает кран.

Шаги. Он вернулся. Закрыл входную дверь на замок — она услышала щелчок. Металлический. Резкий. Как выстрел. Потом шаги в сторону спальни. Дверь открылась.

Он вошёл и закрыл её за собой.

Она лежала на кровати, не двигаясь. Смотрела на него. А он смотрел на неё — и в его глазах было что-то новое. Не злость. Не безразличие. Голод. Тяжёлый, тёмный, пьяный. Это не желание её. Это желание обладать. Желание взять то, что он считал своим. Желание доказать — не ей, себе — что она всё ещё здесь. Всё ещё его.

Он подошёл. Сел рядом. Матрас прогнулся под его весом, и она почувствовала, как её тело напряглось само собой — привычка, выработанная за год. Привычка сжиматься. Привычка ждать. Привычка терпеть. Он наклонился и поцеловал её в губы.

От него пахло алкоголем. Тем самым, которого раньше не было. Он не пил. Никогда. Говорил, что ему и без этого хорошо. Говорил, что ему не нужно. А теперь — пил. И этот запах был чужим. Резким. Неправильным. Он заполнял всё пространство между ними, липкий, тяжёлый, как чужие руки. Как чужие губы. Как чужая жизнь.

Она оттолкнула его. Ладонями в грудь. Он не отстранился. Только чуть отвёл голову и посмотрел на неё сверху вниз. В его глазах не было ни капли удивления. Как будто он ждал этого. Как будто это было частью игры.

— Ты моя жена, — сказал он тихо. Не вопрос. Не просьба. Констатация. Как будто это слово было ключом, который открывал любые двери. Как будто оно давало ему право. На всё. На неё. На её тело. На её молчание.

Она попыталась отодвинуться. Он взял её за плечо. Не больно, но твёрдо. Так, что она почувствовала под его пальцами каждый миллиметр своей кожи. Каждую клетку. Каждый нерв. И когда она попыталась встать — просто встать, просто выйти из этой комнаты, из этого вечера, из этой жизни — его рука легла ей на грудь. Не грубо. Но так, что стало понятно: он не отпустит. Не сейчас. Может быть, никогда.

— Ты красивая, — сказал он, и в его голосе не было нежности. Была уверенность. — Ты такая же, как раньше. Маленькая. Хрупкая. Моя.

Он снова поцеловал её. Она снова оттолкнула. Он взял её за волосы — не грубо, но так, что она почувствовала, как натянулась кожа на затылке. И притянул к себе. Ближе, чем она

хотела. Ближе, чем было нужно. Его губы нашли её шею. Спустились ниже. Ключица. Грудь. Он не целовал — он брал. Каждое прикосновение было уверенным, быстрым, без паузы. Как будто он торопился. Или как будто он боялся, что если остановится, она исчезнет.

Она почувствовала его руку на своей талии. Пальцы сжали кожу — чуть сильнее, чем нужно. Так, что останутся следы. Она знала это. Знала, что утром увидит на боку синяки.

Раньше он не делал так. Раньше его руки были медленными. Он мог целый вечер просто держать её за руку. Мог целовать её шею так долго, что она забывала, где находится. Мог смотреть на неё — и в этих взглядах было столько нежности, что она чувствовала себя единственной во вселенной. Раньше он спрашивал. «Так?» «Не больно?» «Ты уверена?» — и ждал ответа. А сейчас он не спрашивал. Он просто брал. И это было ново. И это было страшно.

Он развернул её. Резко. Так, что она оказалась лицом к стене, руками упираясь в подушку, а его руки уже лежали на её бёдрах. Она почувствовала, как он притягивает её к себе. Как его пальцы сжимают её кожу. Как он входит в неё — резко, без подготовки, так, что она выгнулась и тихо, сдавленно вскрикнула. Её тело не было готово. Но он не спрашивал. Он просто брал.

Он двигался жёстко. Ритмично. Каждый толчок отдавался в её теле, в её голове, в её горле. Она смотрела в стену. На светлую полоску на обоях. На тень от его головы, которая металась по стене — вверх-вниз, вверх-вниз, как маятник. Она считала. Раз. Два. Три. Как будто это могло помочь. Как будто счёт мог сделать это чужим. Не её.

Он шлёпнул её — звонко, по бедру, так, что кожа загорелась, — и она вздрогнула. От неожиданности. Он никогда так не делал. Ни разу за семь лет. Он не шлёпал её. Он не брал её за волосы. Он не сжимал её горло. Это был другой человек. Совсем другой.

Потом он перевернул её на спину. Навалился сверху. Взял за шею — не сжимая, но держа. Большой палец лежал на её горле, и она чувствовала его пульс — или свой. Уже не разобрать. Уже не важно. И двигался снова. Медленнее. Глубже. Так, что она чувствовала его всем телом. Каждую клетку. Каждый нерв. Он наклонился к её лицу. Близко. Слишком близко. И прошептал:

— Скажи, что ты моя.

Она молчала. Смотрела в его глаза — голубые, пьяные, тёмные. И не узнавала. Когда-то эти глаза смотрели на неё так, что у неё подгибались колени. Когда-то она тонула в них. Когда-то они были для неё целым миром. А сейчас она смотрела в них — и видела только себя. Отражённую. Как в зеркале, которое кто-то поставил слишком близко к лицу.

Он сжал её шею чуть сильнее. Не больно. Но так, что дыхание стало короче. Так, что она почувствовала, как кровь приливает к вискам.

— Скажи, — повторил он.

— Твоя, — сказала она. Тихо. Одними губами. Потому что не сказать было страшнее, чем сказать.

Он удовлетворённо выдохнул. И продолжил. Жёстче. Быстрее. Он заставлял её стонать — не потому, что ей хотелось, а потому, что он хотел это слышать. Он брал её то так, то иначе — переворачивал, поднимал, прижимал к стене, к подушке, к себе. Он шлёпал её. Он сжимал её горло. Он шептал ей что-то — про то, что она его, что она красивая, что она никуда не денется. И эти слова были хуже, чем тишина. Потому что в них не было любви. Только собственничество. Только привычка. Только страх потерять то, что он считал своим.

Она чувствовала, как её тело отвечает ему. Не потому, что она хотела. Потому что оно помнило. Помнило, как это было раньше. Помнило, как он касался её — медленно, нежно, с паузами. Помнило, как он смотрел на неё — так, что она чувствовала себя единственной. Помнило, как он целовал её в губы — долго, глубоко, так, что она забывала, где находится. Её тело помнило всё это. И оно отвечало. Даже сейчас. Даже когда она не хотела. Даже когда внутри неё было пусто.

А потом он остановился. Вышел из неё. И она почувствовала, как его рука ложится ей на затылок. Как он сжимает её волосы — сильно, так, что кожа на голове натянулась. Как он тянет её вниз. С кровати. На пол. На колени.

Она не сопротивлялась. Не потому, что не хотела. Потому что не понимала, что происходит. Это было что-то новое. Что-то, чего раньше не было. Он никогда так не делал. Ни разу за семь лет.

Он намотал её волосы на руку. Крепко. Так, что она почувствовала, как каждый волосок натягивается отдельно. Другой рукой он надавил ей на подбородок. Не грубо. Но так, что её рот открылся сам собой. И она почувствовала, как он входит в него. Грубо. Глубоко. Так, что она поперхнулась. Так, что слёзы навернулись на глаза. От того, что это было слишком. Слишком много. Слишком быстро.

Он двигался. Ритмично. Держа её за волосы. Направляя. Не давая отвернуться. Не давая вздохнуть. Она слышала его дыхание — тяжёлое, сбивчивое. Слышала, как он шепчет что-то — хрипло, почти неслышно. Она не разбирала слов. Только чувствовала, как он напрягается. Как его пальцы сжимаются сильнее. Как он кончает. В неё. В горло. И как он держит её — не отпускает, пока она не глотает. Потому что он знает, что она сделает это. Потому что она всегда делает то, что он говорит.

Потом он отпустил её. Медленно. Так, что она почувствовала, как воздух возвращается в лёгкие. Как кровь приливает к лицу. Как слёзы текут по щекам — сами собой, без всхлипов, без звука.

Он смотрел на неё сверху вниз. Долго. Пристально. И в его глазах было что-то новое. Удовлетворение. Тихое, спокойное, почти нежное. Как будто он сделал что-то важное. Как будто он доказал себе что-то, что было нужно доказать. И теперь мог расслабиться.

А потом он наклонился. Протянул ей руку. Ладонью вверх. Как будто предлагал помощь. Как будто она просто упала. Как будто это было случайно.

Она посмотрела на его руку. На его лицо. Он не улыбался. Он просто ждал. И она, поколебавшись секунду, взялась за его ладонь. Он помог ей подняться. Медленно. Осторожно. Как будто она была хрупкой. Как будто он боялся, что она сломается. Она покачнулась, и он придержал её за локоть. Не грубо. Нежно. Так, как раньше.

Он помог ей лечь. Поправил подушку. Укрыл одеялом — тем самым, лёгким, летним, которое она сама купила прошлой весной. И лёг рядом. Близко. Так, что она почувствовала его тепло. Его руку на своей талии. Его дыхание на своей шее.

— Спи, малышка Ви, — сказал он тихо. И голос был мягким. Тёплым. Знакомым. Тем самым голосом, который когда-то говорил ей «Принцесска». — Я люблю тебя.

Она лежала. Не двигалась. Смотрела в стену. На светлую полоску на обоях. На тень от его головы, которая больше не металась. И чувствовала его руку на своей талии.

«Я люблю тебя». Он сказал это так просто. Так привычно. Как будто это всё объясняло. Как будто это всё прощало. Как будто это делало всё нормальным. Он взял её за волосы. Он сжал её горло. Он заставил её встать на колени. Он кончил ей в горло. А потом сказал «я люблю тебя». И это было хуже всего. Потому что это было правдой. Он действительно думал, что любит. Он действительно думал, что это и есть любовь.

Она лежала в его руках. В его постели. В его жизни. И чувствовала только одно: пустоту. Ту самую, которая поселилась в ней год назад. Только теперь она стала больше. Глубже. И в ней больше не было ни капли надежды. Только тишина. Только светлая полоска на обоях. Только его рука на её талии. Тёплая. Тяжёлая. Как ошейник.

Она не знала, что делать. Не знала, как встать. Не знала, куда идти. Она просто лежала. Смотрела в стену. И впервые за долгое время почувствовала, что хочет чего-то. Не уйти. Не остаться. Просто — чего-то. Чего-то, что не пахнет алкоголем и не берёт за волосы. Чего-то, что не говорит «запрещаю». Чего-то, что не делает её вещью…

Глава 6

Глава 6. Половинка яблока

Семь лет назад. Лето.

Вилена собиралась на это свидание так, как ещё ни на одно свидание в жизни.

Она перемерила почти всё, что было в шкафу. Джинсы показались слишком простыми. Платье — слишком нарядным. Сарафан — слишком деревенским. Вилена то снимала вещи, то снова надевала, сердилась на себя за нерешительность и всё равно продолжала искать тот самый образ, который выглядел бы непринуждённо.

В конце концов она остановилась на шортах и белой футболке.

Просто. Легко. Как будто ей всё равно.

Как будто она не ждала этой встречи весь день.

Но она ждала — с самого утра, с того момента, как Кирилл написал: «До встречи, Принцесска». Проверяла телефон чаще, чем хотела признавать, хотя новых сообщений не было. Пыталась заняться делами, помогала по дому, листала ленту, но мысли всё равно возвращались к вечеру.

Вилена злилась на себя за это. И всё равно ждала.

Бабушка заглянула в комнату, когда Вилена в очередной раз посмотрела на часы.

— Ты куда собралась?

— Погулять.

Бабушка окинула её взглядом — задержалась на белой футболке, на расчёсанных волосах, на том, как Вилена пыталась выглядеть спокойной.

— С кем?

— С Кириллом.

— А-а. — Бабушка поджала губы, будто имя ей ничего не говорило, хотя Вилена уже рассказывала о нём. — Только без опозданий. Если задержишься хоть на минуту — один день без прогулок. На две минуты — два дня. Поняла?

— Поняла.

— Я серьёзно, Вилена. Время назначено — значит, к этому времени будь дома.

Вилена кивнула. Она не стала спорить. Спорить с бабушкой было бесполезно: правила не обсуждались, а её желания редко что-то меняли. В этом доме всегда находилось, что ей следовало сделать, куда не стоило идти и во сколько нужно вернуться. Но почти никогда не находилось вопроса, на который она могла бы ответить честно: «А чего хочешь ты?»

Иногда Вилена думала, что не знает, что такое дом. Дом — это место, где живут? Или место, где тебя ждут не потому, что ты должна вернуться к определённому часу, а потому, что без тебя чего-то не хватает?

Ей часто казалось, что её здесь не любят. Может быть, это было несправедливо. Бабушка заботилась о ней по-своему: следила, чтобы Вилена была накормлена, напоминала надеть кофту, ругала за беспорядок. Но этой заботы Вилена не умела почувствовать как любовь. Ей всё время казалось, что она должна быть удобной, благодарной и не доставлять хлопот — и тогда её, возможно, оставят в покое.

А рядом с Кириллом всё было иначе.

Он писал ей сам. Спрашивал, как прошёл день. Замечал, когда она молчала. Называл её Принцесской — дразнил, но в этом прозвище было что-то только их. Когда он хотел проводить с ней время, Вилена чувствовала себя нужной. Не лишней. Не просто девочкой, которая должна вернуться домой вовремя, — человеком, которого кто-то выбрал.

Эта мысль пугала её. И согревала.

Вилена вышла из дома за десять минут до назначенного времени. В руке держала половинку яблока — большую, сочную, с розовым боком. Сама не знала, зачем взяла её. Может, чтобы занять руки. Может, чтобы было что предложить, если разговор вдруг не пойдёт. А может, просто проголодалась и не хотела идти на пустой желудок.

У клуба было пусто. Наверное, остальные ребята ушли купаться. Солнце клонилось к горизонту, тени вытягивались вдоль дороги — длинные, мягкие, будто кто-то растянул их руками. Кирилл уже ждал у крыльца.

Без кепки. Светлые волосы растрепал ветер. Он стоял непринуждённо, чуть опираясь на перила, словно ему некуда было спешить, и он совершенно не волновался. В руке у него ничего не было. Он просто ждал её.

Вилена подошла и остановилась в двух шагах.

И вдруг поняла, что не знает, что сказать.

Она, которая всегда отвечала дерзко и никогда не лезла за словом в карман, теперь молчала, как будто все подходящие фразы разом вылетели из головы.

— Принцесска, — сказал Кирилл и улыбнулся.

Не нагло. Не насмешливо. Просто улыбнулся — так, будто и правда рад был её видеть.

— Ты чего, как не родная?

— Ничего, — ответила Вилена слишком резко и сама это услышала. Тут же протянула ему яблоко: — На. Я не знала, что ты любишь.

Он взял половинку, посмотрел на неё, потом на Вилену. В его глазах мелькнуло что-то тёплое — такое, чего она не ожидала.

— Спасибо.

Кирилл откусил большой кусок. Яблоко хрустнуло в вечерней тишине.

— Вкусное.

Вилена кивнула, не зная, что ответить. Кирилл чуть наклонился к ней — близко, так, что она почувствовала его дыхание, — и тихо сказал:

— От тебя вкусно пахнет.

Вилена замерла. Сердце будто споткнулось, на миг остановилось — а потом забилось так быстро, что она испугалась: вдруг он услышит.

— Это яблоко, — сказала она.

— Нет, — ответил Кирилл. — Это ты.

Он выпрямился так спокойно, словно не произнёс ничего особенного, и кивнул в сторону улицы:

— Пойдём. Я тебе кое-что покажу.

Они пошли пешком, не торопясь. Мимо домов, мимо бабушек на лавочках, которые провожали их любопытными взглядами, мимо собак, лениво приподнимавших головы и снова укладывавшихся в тень.

Солнце ложилось на дорогу косыми лучами. Пыль медленно кружилась в золотом свете, и на мгновение Вилене показалось, будто кто-то рассыпал над улицей блёстки.

Кирилл шёл рядом — не слишком близко, но и не далеко. Иногда их руки соприкасались. Вилена тут же отдёргивала свою, а он продолжал идти, будто ничего не заметил. Или, может быть, замечал и просто не хотел её смущать. Она не знала. И от этого волновалась ещё сильнее.

Он держался уверенно: здоровался с теми, кого встречал, перекидывался парой слов с каким-то мальчишкой и не сбавлял шага. В его манере было что-то такое, будто деревня ему знакома до последнего забора, но сам он не собирался навсегда в ней оставаться. Он шутил легко, отвечал быстро и ни перед кем не старался казаться лучше, чем был.

Вилена слушала его и украдкой поглядывала на профиль. Ей нравилось, как он говорил — свободно, без запинок, будто всегда знал, что сказать. Нравилось, что рядом с ним не нужно

было придумывать темы: он сам находил, о чём рассказать, а потом умел рассмешить её одной короткой фразой.

Кирилл привёл её к речке. Не к той, где купались все, а к другой — узкой и тихой, с илистым берегом и старыми ивами, склонёнными над водой, как уставшие люди.

Они прошли мимо камышей, старой перевёрнутой лодки и кустов, пахнувших чем-то сладким и пыльным. Потом вышли на берег — и Вилена остановилась.

Солнце садилось медленно, словно ему тоже не хотелось уходить. Небо сначала порозовело, потом стало оранжевым, а у самого горизонта вспыхнуло красным. Вода отражала закат, и казалось, будто речка горит — тихо, без дыма, растворяя в себе огонь и тишину.

Вилена смотрела на воду и чувствовала, как внутри что-то сжимается. Этот вечер почему-то казался важнее, чем должен был. Она боялась спугнуть его лишним словом.

— Красиво, — сказала она почти шёпотом.

— Ага, — ответил Кирилл.

Но он смотрел не на закат. На неё.

Вилена почувствовала его взгляд и сделала вид, что не заметила. Как всегда. Это была её броня, её привычка притворяться равнодушной. Но внутри всё переворачивалось.

Они сели на траву — не слишком близко, но и не далеко. Кирилл рассказывал о друзьях, о том, как прошлым летом чуть не утонул в этой самой речке, и о том, что мечтает однажды уехать из деревни. Говорил без жалоб и красивых обещаний, будто уже решил, что будет жить по-своему, и просто ждал подходящего времени.

Вилена слушала, задавала вопросы, смеялась. Потом рассказывала что-то сама — про Варю, про школу, про вещи, которые обычно не казались важными. Кирилл слушал внимательно, не перебивал и время от времени улыбался, когда она сбивалась или пыталась превратить серьёзную историю в шутку.

Рядом с ним ей было легко — и одновременно тревожно. Хотелось придвинуться ближе, но она боялась сделать это первой. Хотелось, чтобы он взял её за руку, но она не знала, что тогда делать. И всё же каждый раз, когда их плечи случайно соприкасались, Вилена чувствовала тепло этого прикосновения ещё долго после того, как они отодвигались.

Она не заметила, как прошло полтора часа. Ей казалось, что они сидят всего несколько минут. Или целую жизнь. Что-то среднее.

Потом у Кирилла зазвонил телефон.

Он взглянул на экран, и его лицо чуть изменилось. Затем посмотрел на Вилену.

— Надо идти. Сашка там что-то мутит. Без меня не разберутся.

Вилена посмотрела на солнце. Оно почти скрылось за деревьями.

И тут вспомнила бабушкино предупреждение.

Одна минута — день без прогулок. Две — два дня.

Ей вдруг стало досадно, что вечер не может длиться дольше. Хотелось остаться здесь, у воды, ещё хоть на пять минут. Хотелось, чтобы Кирилл сам предложил проводить её медленно, чтобы дорога домой заняла целую вечность. Но она не хотела проверять, насколько серьёзно бабушка относится к своим правилам.

— Хорошо, — сказала Вилена и улыбнулась, будто ей всё равно.

Кирилл проводил её до дома. Они пошли тем же путём, мимо тех же домов и тех же бабушек.

У калитки они остановились. Вилена украдкой посмотрела на экран телефона. Успевала. Едва-едва — но успевала.

Кирилл посмотрел на неё — долго, пристально. В его глазах она не увидела ни привычной наглости, ни уверенности, которой он так легко дразнил её. Там было что-то мягкое. Что-то настоящее.

— Ну, — сказал он. — Спасибо за яблоко.

— Пожалуйста.

Он сделал шаг ближе. Вилена почувствовала его запах — свежесть, мыло и что-то ещё, знакомое уже только ему.

Потом Кирилл обнял её.

Первый раз.

Не за плечи, не мимоходом, как друга. По-настоящему — крепко, обеими руками. Вилена почувствовала его тепло всем телом, его подбородок у себя на макушке, дыхание в волосах. На секунду ей показалось, что она слышит его сердце. Или своё. Она уже не могла разобрать.

Сначала Вилена замерла. Руки так и остались опущенными. Потом она медленно, неуверенно обняла его в ответ.

Кирилл прижал её чуть крепче, и она почувствовала, как он улыбается — будто всем телом. Словно это объятие было важно и для него.

Вилена не хотела отпускать его. Но часы тикали, а бабушкино правило уже звучало в голове: одна минута — день без прогулок. Две — два дня.

Наконец Кирилл отстранился. Вилена ещё долго ощущала его тепло.

Он посмотрел ей в глаза.

— Завтра увидимся?

— Завтра увидимся, — ответила она.

Кирилл кивнул и пошёл по улице. У поворота обернулся, улыбнулся ей и исчез из виду.

Вилена ещё немного постояла у калитки, глядя ему вслед, а потом вошла в дом. Бабушка спросила, вовремя ли она вернулась. Вилена ответила, что да, и услышала в ответ короткое:

— Хорошо. В следующий раз тоже не опаздывай.

Она поднялась к себе, закрыла дверь и села на кровать.

В комнате было тихо. Никто не спросил, как прошёл вечер. Никто не заметил, как она всё ещё улыбается, как бережно держит в памяти его голос, его взгляд, его объятие.

Но Кирилл заметил бы. Он бы спросил. Он бы написал ей утром.

Эта мысль согрела Вилену — и одновременно испугала. Ей казалось, что только рядом с ним она становилась нужной. Будто за пределами его внимания снова превращалась в девочку, которой просто велено вернуться домой вовремя.

Вилена легла на кровать и улыбнулась — широко, глупо, как дура.

Ей было всё равно.

Она не знала, что Кирилл станет её первым мужчиной. Её мужем. Её болью. Не знала, что через семь лет будет лежать рядом с ним и чувствовать только пустоту.

Тогда, в пятнадцать, она просто лежала на кровати, улыбалась и ждала завтра.

Глава 7

Глава 7. Клянись

Настоящее время. 07:40.

Вилена проснулась от звуков.

Что-то тихо стучало на кухне. Осторожно, будто кто-то старался не шуметь и всё равно шумел. Она открыла глаза и несколько секунд лежала неподвижно, пытаясь понять, где находится.

Потолок. Светлая полоска на обоях. Рядом — пустая половина кровати. Одеяло откинуто, подушка всё ещё хранила вмятину от его головы.

Вилена села. Одеяло соскользнуло с плеч, и она увидела свои руки.

На запястьях темнели синяки — небольшие, но отчётливые. Такие остаются, когда держат слишком крепко. Она посмотрела на ноги: синяки были и на бёдрах. Чуть выше колена тянулась длинная царапина.

Откуда она взялась, Вилена не помнила.

Может, задела ногтем. Может, обо что-то ещё.

Она не хотела вспоминать.

Поднялась и подошла к зеркалу. Остановилась.

Оттуда смотрела она сама — и в то же время кто-то чужой. Опухшее от слёз лицо, красные глаза, припухшие губы. На шее темнели следы. На плече виднелись тонкие царапины.

Вилена долго всматривалась в своё отражение. Это было её лицо. Её тело. Её синяки. И всё же она словно не узнавала себя. Или узнавала слишком хорошо — но не хотела принимать увиденное.

Она сняла с двери серый махровый халат Кирилла и надела его. Халат оказался велик: рукава свисали до пальцев, полы почти касались пола. Вилена запахнула его поплотнее, спрятала запястья, шею — всё, что можно было скрыть, — и пошла на кухню.

Кирилл стоял у плиты босиком, в домашних штанах. Волосы были влажными и приглаженными: он успел принять душ. На сковороде шипела яичница; запах масла и еды смешивался с мыльным запахом, который Вилена знала наизусть.

На столе стояли две чашки. Её — с ромашкой на боку. Его — простая белая, с трещиной у ручки.

Он не перепутал.

Вилена остановилась в дверях.

Кирилл обернулся и улыбнулся. Не нагло, не привычно — тепло. Почти по-настоящему.

— Доброе утро, любимая, — сказал он тихо. — Я решил приготовить нам завтрак.

Она посмотрела на сковороду, на тарелку с нарезанными овощами, на две чашки. Кирилл не умел готовить. Никогда не умел: мог сварить пельмени или сделать бутерброд — и на этом его кулинарные способности заканчивались. А сейчас он стоял у плиты и ждал её реакции, словно этот завтрак значил больше, чем просто яичница.

Вилена молчала. Смотрела на его руки, на то, как он сжимает лопатку. Пальцы держали её слишком крепко — так, будто это была единственная вещь, которую Кирилл ещё мог контролировать.

Он заметил халат. Увидел, как она спрятала руки в рукава, как запахнула ткань у шеи. Улыбка медленно исчезла с его лица.

— Ты чего? Замёрзла?

Вилена не ответила.

Кирилл отложил лопатку и подошёл к ней. Не спеша, осторожно, словно боялся, что она отшатнётся. Он взял её за руку и медленно вытянул ладонь из длинного рукава.

Увидел синяки.

На мгновение застыл. Посмотрел на её запястье, потом на лицо — и снова на синяки. В его глазах выступили слёзы. Тяжёлые, настоящие.

— Прости, — прошептал он. — Прости меня.

Он опустился на колени прямо на кухонный линолеум. Взял её руки и стал целовать запястья — осторожно, едва касаясь губами каждого синяка, каждой царапины, каждого места, где остался след. Будто поцелуями можно было стереть то, что он сделал. Будто можно было забрать боль и вернуть всё назад.

Вилена стояла неподвижно. Смотрела на его склонённую голову, на плечи, которые вздрагивали, на руки, державшие её теперь так бережно, словно она могла сломаться от одного лишнего движения.

Он плакал и снова просил прощения.

Внутри Вилены что-то шевельнулось. Не жалость и не облегчение. Что-то тяжёлое, долго сдерживаемое, медленно поднималось из глубины — как будто чувство, которое она запирала в себе целый год, наконец нашло слова.

— Ты плачешь, потому что тебе жаль меня? — спросила она. Голос прозвучал тихо, но в тишине кухни каждое слово было отчётливым. — Или потому, что тебе жаль себя?

Кирилл поднял голову. Глаза у него были красные и мокрые. Он смотрел на неё растерянно — так, будто не ожидал услышать этот вопрос.

Вилена сглотнула и продолжила:

— Ты целуешь мои синяки, как будто это поможет. Как будто, если поцелуешь их достаточно, они пройдут. Но они не пройдут, Кирилл. Потому что они не только на коже.

Он молчал.

Потом поднялся, всё ещё держа её за руки, и посмотрел ей в глаза.

— Я не знаю, что делать, — сказал он. — Не знаю, как это исправить. Не знаю, как вернуть тебя.

Голос у него дрогнул.

— А ты не думал, — Вилена запнулась, но заставила себя продолжить, — что, может быть, меня не нужно возвращать? Может, я никуда не уходила. Может, это ты ушёл. Давно. А я просто ждала, когда ты вернёшься.

Кирилл молчал. В его лице что-то изменилось, будто трещина пошла по стеклу. Он отпустил её руки, встал с колен и отступил на шаг — словно только теперь увидел перед собой не привычную жену, не часть своей жизни, а саму Вилену.

— Я не знал, — сказал он. — Я правда не знал.

— Я знаю, — ответила она. — В этом и проблема.

Некоторое время они просто стояли друг напротив друга. Вилена чувствовала босыми ногами холод пола. На ней всё ещё был его халат, слишком большой и тяжёлый. Она хотела снять его, но не могла заставить себя двинуться.

Кирилл взялся за пояс халата и потянул. Медленно — так, что она могла остановить его, если бы захотела. Вилена не остановила. Он развязал пояс и снял халат с её плеч. Ткань скользнула по рукам.

Вилена осталась в его серой футболке, такой большой, что та почти закрывала ей шорты.

Кирилл скомкал халат, вышел из кухни и ничего не сказал.

Она осталась стоять посреди кухни — в его футболке, босая, на холодном полу. Смотрела на дверь, за которой Кирилл только что исчез, и всё ждала, что он вернётся. Что дверь снова откроется, он скажет что-нибудь важное — не про дела, не про завтрак, не про то, что скоро будет. Что наконец спросит, как она. Что скажет ей, что они всё исправят. Что они справятся, решат проблемы и всё будет как раньше. Как тогда, когда им было хорошо.

Но за дверью было тихо.

На столе лежал его телефон. Экран светился в полутьме бледным прямоугольником. Вилена не хотела смотреть. Знала, что не должна. Это было чужое. Не её сообщение, не её разговор.

И всё же она сделала шаг. Потом ещё один.

Телефон оказался у неё в руке — тёплый и тяжёлый, словно только что побывал в чужой ладони. Вилена взглянула на экран.

Сообщение было от Никиты.

Она прочитала его медленно, слово за словом, будто надеялась, что при повторном чтении смысл изменится.

«Я не буду лезть. Но если ей нужна помощь — она знает, где меня найти. И если ты не заметил, что она плакала, то я заметил».

Вилена перечитала сообщение. Потом ещё раз.

Никита заметил.

Не муж. Не тот, кто должен был заметить. Никита — друг, который зашёл на кухню попить воды и увидел её на полу. Который присел рядом и протянул руку, ничего не требуя взамен. Который теперь писал не ей, а Кириллу: не «как она?», а «если ты не заметил». Будто хотел, чтобы Кирилл наконец посмотрел на неё по-настоящему. Чтобы увидел то, что было прямо перед ним.

Вилена положила телефон обратно на стол — осторожно, почти бесшумно. Экран погас, и кухня снова погрузилась в полутьму.

Она провела пальцем по краю стола. Дерево было холодным и гладким. Где-то в глубине квартиры скрипнула дверца шкафа. Кирилл одевался.

Вилена стояла неподвижно и думала о том, что её слёзы увидел кто-то другой. Не тот, от кого она ждала тепла, а человек, которому она ничего не обещала и ничего не должна была объяснять.

И почему-то это ранило сильнее, чем хотелось признать.

Сильнее синяков. Сильнее слова «запрещаю». Сильнее его «хорошая девочка». Потому что чужое внимание невольно показало ей, как мало внимания осталось между ней и Кириллом. Её боль была видна. Она сидела на полу в темноте — и всё равно её заметили. Только не тот, кто должен был.

Вилена отвернулась от стола и подошла к плите. В сковороде остывала яичница, на тарелке ждали нарезанные овощи. Завтрак, приготовленный с таким старанием, будто можно было накрыть стол — и вместе с ним вернуть всё на свои места.

Она встала спиной к телефону и уставилась на еду.

Есть не хотелось.

Вилена осталась у плиты, слушая, как в квартире стихает каждый звук, и стала ждать. Через минуту он вернулся уже одетым, с курткой в руке. Подошёл к столу за телефоном — и остановился.

Телефон лежал там, где он его оставил. Экран светился. Сообщение было открыто.

Кирилл посмотрел на экран, потом на Вилену. Снова на телефон. Что-то в его лице переменилось. Он сжал аппарат так, что побелели костяшки, а потом резко бросил его обратно на стол.

Телефон звякнул о поверхность. Кот, дремавший на стуле, подскочил и метнулся в коридор.

Вилена вздрогнула — не от звука, а от выражения лица Кирилла. Он выглядел не столько злым, сколько испуганным. Словно увидел что-то, чего не должен был видеть, и вдруг понял, что больше не всё контролирует.

Он подошёл к ней и взял её лицо в ладони. Его пальцы сжали её щёки, и он долго смотрел ей в глаза.

— Что у тебя с ним? — спросил он почти шёпотом.

Вилена не поняла.

— Что?

— Ты слышала. Что у тебя с Никитой?

Она растерянно смотрела на него. Не могла поверить, что он спрашивает именно об этом. Она всегда была ему верна. Никогда не давала повода сомневаться, никогда даже не думала о Никите так, как Кирилл, кажется, уже решил.

— О чём ты? — спросила она.

Кирилл перебил её, не дав объяснить:

— Клянись, что он тебе не нужен.

Вилена замолчала.

В этом требовании было отчаяние, но оно быстро исчезало под нажимом его голоса. Кирилл сжал её лицо чуть сильнее. Не больно — пока. Но достаточно, чтобы она почувствовала его пальцы на коже и поняла: он не готов услышать ничего, кроме нужных ему слов.

— Говори, — потребовал он. — Скажи, что он тебе не нужен.

Она молчала. Смотрела ему в глаза. Кирилл сильнее нажал большим пальцем на её подбородок, приподнимая лицо и заставляя не отводить взгляд.

— Скажи это, — повторил он жёстче. — Скажи, что он тебе не нужен.

Вилена хотела ответить сразу. Сказать правду: Никита ей не нужен. Она не хотела его, не выбирала и никогда не собиралась выбирать. Но Кирилл не спрашивал — он требовал клятвы. Ему было мало ответа. Он хотел услышать покорность, хотел получить доказательство, которое можно было бы унести с собой и держать при себе, как вещь.

— Скажи, — повторил он.

Вилена сглотнула.

— Он мне не нужен, — сказала она тихо, почти шёпотом.

Не потому, что хотела успокоить Кирилла. Не потому, что он имел право требовать от неё таких слов. Просто она поняла: если не скажет, он будет давить дальше.

Кирилл долго смотрел на неё. Что-то в его глазах медленно менялось. Потом он отпустил её лицо — неохотно, словно ему было трудно разжать пальцы.

— Мне нужно отъехать, — сказал он. — По делам. Я скоро.

Вилена ничего не ответила. Стояла и смотрела на него.

Кирилл наклонился и поцеловал её. Резко, грубо, не оставляя ей времени отстраниться. В этом поцелуе не было ни нежности, ни примирения. Он словно пытался доказать ей — и себе, — что она всё ещё принадлежит ему, что её слова и чувства ничего не меняют.

Когда он отстранился, в его взгляде появилось спокойное удовлетворение — будто он закрыл дверь на замок и убедился, что она не откроется.

— Завтракай, — сказал он, кивнув на стол. — Я старался.

Вилена посмотрела на яичницу, на чашки, на нарезанные овощи. Завтрак уже начал остывать.

— На выходных буду готовить тебе сам, я уже заказал себе книгу рецептов. Пора учиться готовить — продолжил Кирилл, словно вспомнил о чём-то важном. — Будем завтракать вместе.

Он говорил мягко и буднично, будто предлагал ей что-то простое и хорошее. Будто несколько завтраков могли вернуть прежнее утро. Будто его поцелуй только что не заставил её снова сжаться.

Вилена ничего не ответила.

— Мне нужно отъехать. По делам. Я скоро, — сказал он.

Вилена стояла на кухне — босиком, в его футболке, на холодном полу. На столе ждал завтрак, который он приготовил для неё. И от этого почему-то было не легче: он всё ещё умел заботиться о ней — и всё равно не слышал, когда она говорила «нет».

— Я скоро, — повторил он.

Кирилл вышел и медленно закрыл за собой дверь.